

Пролог

История про барсучий жир

В тот час, когда метель набирала силу, двое молодых людей подходили к дому. Хлопья снега роились в вечернем воздухе, и сложно было рассмотреть что-либо в этом безумном снежном вихре. У подъезда пара остановилась, и в свете фонаря стало видно, что у девушки хорошее, открытое лицо, высокий лоб и правильной формы, точеный нос. Квадратная линия подбородка и развитые надбровные дуги молодого человека выдавали в нем натуру более прозаическую.

— Как красиво... смотри, Валера... как в космосе.

Девушка смахнула с лица мокрый снег, задумчиво всматриваясь в пространство над собой. Земной спутник ее, помолчав, неуверенно кашлянул и отозвался голосом далеким и приглушенным, как если бы в самом деле говорил через скафандр:

— Ужасная погода. И знаешь, Кирюш, кажется, у меня это... поднимается температура.

— Температура? Как нехорошо. — Кира вдруг нахмурилась и думать забыла о космосе. — У нас останешься?

Валера повел бровями, и с них посыпался снег.

Если до этого мгновения Кира смотрела на Валеру с восхищением, словно никогда прежде не встречала подобных ему красавцев, то теперь в глазах ее отражалось

удивление, будто она не могла поверить, что столь образцовая мужская особь способна простудиться.

Спустя несколько минут, под мягким светом лампы, молодые люди пили чай, и метель за окном их уже не волновала. Валера размешивал в чашке варенье, щеки его горели, как две кремлевские звезды.

— Тише, пожалуйста. Мама проснется, — сказала Кира и нахмурилась во второй раз.

За стенкой в соседней комнате, освещаемой лишь улыбкой, спала Людмила Борисовна. Мама. А улыббалась она потому, что в душе ее пели ангелы с золотыми трубами: мама радовалась за дочь, которая взялась, наконец, за ум.

Понравиться Людмиле Борисовне несложно. Для этого достаточно иметь здоровый цвет лица.

Как-то она сказала:

— Митя?!

— Да, Митя.

— Митя — нет.

— Что *Митя* — *нет*?

— Митя — нет, он бледный, это верный признак.

— Признак чего?

— Чего, чего... Я тебе говорю. А я знаю, что говорю. Хоть раз мать послушай. Ты все думаешь, мать — дура, а мать не дура, у матери опыт.

— Я не думаю, что ты дура.

— Вот и слушай. Бледный, как поганка. Яд в нем, понимаешь? Много яду.

А Митя не был бледным, он был поэтом, белолицым и чернобровым, и ходил слегка покачиваясь, словно двигался не по земле, а над, и голос его звучал подобно тонкой, бузиной свирели. Но, несмотря на его англо-

подобный облик, кандидатура Мити была решительно отклонена.

Зато Валера, атлет и метатель копья, со здоровым цветом лица, с румянцем на скулах, Людмиле Борисовне полюбился сразу.

— Совсем другое дело! — резюмировала она. — Сразу видно: хороший парень.

Около часа ночи Кира выскользнула из спальни в кухню. В квартире стояла тишина, но спустя мгновение еле слышно скрипнула дверь соседней комнаты, заставив Киру выглянуть из кухни и несколько секунд пытливо всматриваться в темноту пустого коридора. Затем она выпила воды, без единой мысли, блаженно рассматривая в окне отражение хрупкой фигуры, с острыми ключицами, но удивительно развитой по женской части.

Приблизив лицо к самому стеклу, она увидела, как из сумеречной черноты, чуть качнувшись, выглянула и неожиданно подмигнула Луна. (В детстве Кире подмигивали взрослые, теперь ей представлялось, будто подмигивают небесные светила или обыкновенные земные предметы.)

Она собралась подмигнуть в ответ, но тут из спальни донесся призывный крик.

«И чего так орать? Он же маму разбудит», — нахмурилась Кира в третий раз, но через несколько секунд призыв повторился, и она не раздумывая кинулась на зов.

О том, что произошло дальше, лучше самого Валеры не расскажет никто:

«Итак, полночь. Все хорошо слышат? Отлично. Я лежу... Наг, как этот... как его... Аполлон... да. Ну вы

понимаете. Укрылся одеялом. Рассматриваю под потолком плафон. Температура около тридцати девяти, сорока. Заболел... Стекла дрожат от ветра. От кашля вздрагивает свеча. В комнате царит интим и торжествует полумрак. Кирюша ушла на кухню согреть горячего. Лежу. Вдруг... открывается дверь, и... вместо Киры в комнату входит ее мать. Щелкает выключатель, в глаза мне бьет яркий свет. Я жмурюсь, закрываюсь от него рукой. (Закрывается рукой.) Лицо у нее встревоженное, и видно, что пребывает она в крайнем волнении. В руках — банка с чем-то белым, которую она прижимает к груди. Бигуди трепыхаются, как рыбки, выброшенные на берег.

— Вот это кашель! — говорит она. — Наверняка и температура. Но не волнуйся. Тебе колоссально повезло. В этом доме всегда есть барсучий жир. Сейчас тебя натру, утром будешь огурцом.

И начинает стягивать с меня одеяло. Я вцепился в одеяло с другой стороны, не отпускаю. Она тянет. Я держу. Говорю ей:

— Что вы делаете, Людмила Борисовна? Не надо!

А она тянет! А я, естественно, держу! Как быть? Конфуз!

Она-то одной рукой тянет, второй банку к себе прижимает, а я-то двумя держу. Она уже и кряхтит, одной ногой в пол уперлась, другой — в спинку кровати, тянет изо всех сил и приговаривает:

— Да ты не бойся, это не больно, потом мне спасибо скажешь.

Я, естественно, не отпускаю.

— Больной, а сильный! — кряхтит она и продолжает тянуть.

Тут чувствую: все, теряю силы — да как закричу! Кира, слава богу, прибежала.

Мать ее одеяло отпустила, поворачивается и говорит:

— Наш-то разболелся совсем. Бедный мальчик! — И стучит пальцами по банке, словно мальчик там, за стеклом. — Так кашляет! Как хорошо, что у нас всегда есть барсучий жир! Расскажи Валере, как он спас нашего деда от неминуемой гибели.

А Кира отвечает, спокойно так, словно гипнотизируя:

— Иди, мам, тебе вставать на съемку в пять утра.

Мать всучила ей банку и говорит:

— Грудь и пятки натрешь. Пожирнее, не экономь. Мужчины вымирают. Ученые говорят, что их хромосома на пути к полному саморазрушению. Наша миссия — путь этот облегчить и украсить. Я позже приду проверю... И почему ты босиком? Тапки надень!

И ушла. А я потом полночи уснуть не мог, ворочался, боялся».

В однообразном течении спортивно-атлетической и малоподвижной офисной жизнью история в изложении Валеры обрела неслыханную популярность. Ее вызывали на бис, одаривали комплиментами и забрасывали цветами. Кто-то из друзей время от времени Киру подначивал:

— Что-то мне нехорошо, Кирюш. Может, жирку барсучьего?

Шеф на работе интересовался, только ли барсучий жир обладает столь целительными свойствами, или его можно заменить другим. Девушка с ресепшн желала знать, обязательно ли мазать пятки.

И только коллега по имени Светлана отнеслась к истории иначе, пригласила Киру вместе пообедать и там, за ланчем, дала волю, по всей видимости, вызревшим давно эмоциям:

— Да что же это такое! Прояви характер! Сколько можно позволять ей вмешиваться в твою личную жизнь? Ты взрослый человек, хорошо зарабатываешь, сними квартиру. У меня знакомые как раз недавно спрашивали. Уезжают в Тай. Хотят на год сдать своим. Подумай! Узнаешь, что такое свобода. Жизнь с родителями пагубно сказывается на психике. Пора сепарироваться, черт возьми!

Некоторые люди обладают особым психологическим даром убеждать. Их способность к видению траекторий чужих судеб и талант указывать на чужие промахи удивительны. Их интонации проникают в самую душу. Много в их собственной жизни указывает на то, что они скорее теоретики, чем практики, однако иной раз мимоходом брошенная ими фраза способна перевернуть мир другого человека. Должно быть, Светлана воздействовала на Киру именно так.

Кира крепко задумалась.

Во-первых, ей льстило, что ее назвали взрослым человеком.

Во-вторых, она беспокоилась за психику, потому что в наследственности по материнской линии имелся небольшой изъян: прабабке последний год жизни являлась белая коза. Она обыкновенно после полуночи расхаживала по комнате, щипала травку, разумеется, невидимую, минорно позвякивала колокольчиком на шее. При попытках приблизиться — растворялась в воздухе. Прабабка оставляла для нее на полу гостинчик, сладкую морковку, которая наутро всегда исчезала. Прабабка так и умерла с морковкой в руке, а после похорон родственники обнаружили на полу книгу, в которой недоставало множества страниц, а те, что сохранились, были изрядно пожеваны.

В-третьих, Кира вспомнила Бубу, который однажды, лет десять назад, выдыхая в темное небо сладковатый дым марихуаны, сказал ей: «У тебя один недостаток — ты слишком дочь».

Этот смысленный парень из Кении не владел русским в совершенстве, но иногда удачно подбирал слова.

Его шоколадный цвет лица и дреды напоминали Кире Боба Марли. Буба курил марихуану и учился на дипломата, в нем сочетались романтика и интеллект. Его белоснежная улыбка освещала самые темные дворы ночного города. Жил Буба в общежитии и часто оставался ночевать в комнате Киры, с выходом на балкон. На балконе Людмила Борисовна хранила в шкафу соленья, там же она вывешивала сушиться постиранное белье. Кира вспоминала это время с грустью: юность рисовалась ей легким воздушным облачком, и на нем, паря и раскачиваясь, утратив малейшую связь с реальностью, молодые люди предавались ничем не обремененной, беспечной юношеской любви. Лишь один человек мог заставить их опомниться и опуститься на землю — это Людмила Борисовна. Как торпеда, выпущенная с вражеского корабля, она влетала к ним с эмалированным тазом, наполненным трусами и белыми наволочками; огибала кровать, в которой лежали влюбленные, застывшие и ошеломленные, и прорывалась на балкон, прикрывая ладонью глаза и громко крича: «Не смотрю, не смотрю, не смотрю!..» На балконе она несколько минут шумно возилась, скребла тазом о бетонный пол и, шаркая, спешила обратно, все так же прикрывая глаза и тараторя: «Ой, не смотрю, ой, не смотрю...»

Когда вскоре после истории с барсучьим жиром Валерий и Кира расстались, сильнее всех переживала Людмила Борисовна. У главной героини истории

прихватило поясницу, и, опоясавшись вязаной шалью, она ходила по квартире, подволакивая ногу, тяжело вздыхая и укоряя непутевую дочь, что не уберегла такого хорошего парня, атлета и метателя копья.

Кире пришлось признаться себе, что начался иной период ее жизни: ей невыносимо захотелось одиночества и пространства, которое бы безраздельно принадлежало только ей и границы которого никто бы не мог нарушить без ее волеизъявления и согласия. Она решила снять квартиру, хотя и предвидела на этом пути небольшое затруднение.

Услышав, что дочь собирается начать отдельную, самостоятельную жизнь, Людмила Борисовна испугалась, но вместе с тем испытала прилив сил и душевный ажиотаж, ибо ничто так не обостряло ее материнского инстинкта, как мнимая угроза здоровью или внешнему благополучию. Когда ничего не происходило, когда ничто не угрожало единственной дочери, Людмила Борисовна скучала и даже испытывала тревогу, которую объясняла мистического свойства предчувствием. Кирины мечтания, открытия, сомнения, словом, внутренний, психический мир дочери был неведом ей, чужд и неинтересен, но если трудноизлечимая болезнь или дурно воспитанные граждане встречались на пути матери, неведомая сила поднималась в ней и бурлила, готовая сразиться с мировым злом. Слава богу, зло по большей части оказывалось воображаемым. Когда в восьмом классе Кира из музыкальной школы начала приносить тройки, оттого лишь, что школа эта ей смертельно наскучила, Людмиле Борисовне показалось, что дочь недооценивают и, более того, гнобят. Она пришла к директору и сказала: «Почему людей одаренных всегда

зажимают? Что у нас за страна такая? Сколько гениев валяется в канавах! Сколько носителей божественного огня замерзает в сугробах! Сколько ростков истинной духовности гибнет от нашествия посредственности! Кто будет поднимать культуру? Кто поддержит и защитит наших талантливых детей от саранчи и варварства?! Я вас спрашиваю. Кто и для чего посадил вас в это кресло?..»

Однако саму себя Людмила Борисовна защищать не умела. Однажды соседке по этажу померещилось, будто Людмила Борисовна имеет виды на ее мужа. Ревнивица влетела в прихожую и хотела устроить бурную сцену, но Людмила Борисовна скрылась в своей комнате, забаррикадировала дверь широким креслом и не подавала признаков жизни. На стук и крики соседки вышла с книгой в руке пятнадцатилетняя Кира.

— Моей маме ваш муж никак не сдался. Где моя мама, образец чистоты и порядочности, а где ваш муж, только формирующееся, слабое в умственном отношении существо. Пока вы тут кричите, он, вероятно, в трактире на балалайке играет, — сказала она.

Но вернемся к разговору матери и дочери. Людмила Борисовна была неподражаема — все-таки два курса ВГИКа! Она кричала, что Кира без нее пропадет, погибнет, сделается героиновой наркоманкой и валютной проституткой. Закрывая лицо ладонями, она плакала, описывая в красках, в каких невыносимых муках Кире предстоит умирать от СПИДа. Трижды Людмила Борисовна хваталась за сердце и просила вызвать «скорую», но едва Кира снимала трубку, ей тут же становилось легче. В конце она прочла монолог из «Макбет»:

Сюда, ко мне, злодейские наитья,
В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!

Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду
Я лютою жестокостью полна...¹

И наконец, исчерпав последние запасы сценического куража, закурила и заявила, что Кира не смеет оставлять свою мать, потому что та ночей не спала.

Ни леди Макбет, ни угрозы не поколебали железного спокойствия и невозмутимости Киры, которой, между прочим, на тот момент исполнилось двадцать восемь лет. К домашним спектаклям она привыкла с детства, к тому же Кира хорошо знала больное место матери. Ее голос прозвучал деловито и кротко, как у шахматиста, объявившего «шах и мат».

— Очень жаль! — сказала она. — Я думала, ты мечтаешь о внуках. Но если ты так сильно любишь меня, что не хочешь расставаться, что ж... Прощайте, маленькие ангелочки, прощайте, пухлые попки внуков и крошечные пяточки внучек. Прощай, биологический смысл бытия!

В прозвучавших словах Людмила Борисовна отчетливо распознала нежелание дочери заводить семью под одной с ней крышей. Ей стало горько и больно, а поскольку чувства эти были опасно животрепещущие, она поспешила скрыть их, чтобы потом в одиночестве обдумать, рассмотреть ближе и решить, что делать дальше. Часто чувства, связанные с дочерью, наполненные неизвестной природы противоречиями, пугали и мучили Людмилу Борисовну. Высоко подняв голову, она удалилась из комнаты, не произнеся больше ни единого слова.

Всю ночь она говорила по телефону с разными людьми. По всей видимости, Людмила Борисовна советовала

¹ Перевод Б. Пастернака. — *Здесь и далее примеч. ред.*

лась. Из ее комнаты доносилось: «Надя, ты не права!», «Валя, послушай, что я скажу!» и «Господи, за что мне все это».

А наутро за завтраком Людмила Борисовна как ни в чем не бывало, с повседневным равнодушием объявила дочери, что та абсолютно права и с отдельной квартирой скорее найдет себе мужа, а сама она, напротив, заблуждалась, полагая Киру и ее друзей еще детьми, хоть и взрослыми, и потому приглядывая за ними исключительно от избытка материнских чувств. Другое дело — если направить этот избыток в нужное русло. В заботу, например, о внуках. Потом добавила: снимать не надо, потому что есть дедушкина квартира, царствие ему небесное, а деньги за аренду... да бог с ними — не все деньги.

Все это она проговорила, намазывая тонким серебряным ножом масло на ломтик подсушенного хлеба, наслаждаясь производимым эффектом.

Ровно через месяц Кира переехала в квартиру деда.

Хождение козы по чужим снам

Без всяких!

Жизнь на первом этаже оказалась полна сюрпризов.

За четыре года, что Кира жила там, в кухню влетели: канарейка, футбольный мяч, волан из гусиных перьев, резиновая утка, железный рубль, арбузная корка и наконец щенок.

Проехавшись на пузе по скользкой поверхности линолеума, сукин сын уткнулся носом в тапочки и замер.

Он обрадовался молоку, но колбаса понравилась ему несоизмеримо больше. Пока Кира с нежностью наблюдала, как он заглатывает один за другим кусочки докторской, позвонила Людмила Борисовна.

— Не вздумай оставить его себе! — заявила она, услышав про щенка. — Разумеется, следует найти того, кто сможет позаботиться о собаке должным образом. А ты, прости мою душу, даже цветы забываешь полить.

Кира подумала: «Следуя ее логике, если я не поливаю цветы, то и собаку кормить не стану, и она умрет от голода. Тогда зачем так настаивать на внуках?»

Увы, ожидания Людмилы Борисовны не оправдались.

Спустя четыре года мать убедилась: личная жизнь дочери не то что не расцвела в отдельной квартире, а